

Зоя Мельник

Строгая кузина Кристен

18+

Зофия Мельник

Строгая кузина Кристен

«Автор»

2020

Мельник З.

Строгая кузина Кристен / З. Мельник — «Автор», 2020

Герой книги Николас Кох - ленивый, безответственный молодой человек. Кристен, кузине Николаса приходится регулярно его наказывать. Воспитывать молодого человека Кристен помогают её подруга Зельда, соседка Эрика Шеен, а так же учительницы - фрау Хартман и фрау Штефан. Для дисциплинарных наказаний применяются различные девайсы — щетка для одежды, кухонная лопатка, шотландский тоуз и ротанговая трость... Непросто складывается любовная история Николаса и Агнет Беле... В книжном магазинчике Барбары Швирс, где Николас ворует журналы для мужчин то и дело случаются неприятности... Кристен решает отправить кузена в Лангенрайн - исправительное заведение для трудных подростков, и тогда Николас сбегает из дома... Роман современной писательницы Зофии Мельник посвящён женскому доминированию (femdom, bdsm) и телесным наказаниям (spanking, canning). В тексте книги присутствуют сцены фут фетиша (foot fetish) и кунилингуса (cunnilingus). Все персонажи книги старше 18 лет.

© Мельник З., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	10
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	14
ГЛАВА ПЯТАЯ	18
ГЛАВА ШЕСТАЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Зофия Мельник

Строгая кузина Кристен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Николас скатился на велосипеде вниз по Дворцовой, проскочил перекресток и свернул на Морскую. Морская улица спускалась к огромному как море Боденскому озеру и тянулась вдоль берега, пока городок не кончался, а сама улица не превращалась в шоссе. Был погожий день в первых числах апреля, припекало солнце. Николас проехал мимо ряда похожих друг на друга домиков в два этажа с белеными стенами и красной черепицей на крышах. Возле дома Кристен он резко нажал на педаль, велосипед занесло, и задняя крышка оставила на гладком асфальте черный изогнутый след. Неподалеку от крыльца стоял желтый фольксваген «жук» Эрики Шеен. Стаскивая с плеч рюкзак с учебниками, Николас поднялся по ступенькам, распахнул дверь и зашел в прихожую.

Кристен, Зельда и фрау Шеен играли в гостиную в скат. Эрика Шеен была старой приятельницей Кристен, а Зельда уже полгода снимала комнату в доме Кристен. За эти полгода Кристен и Зельда стали хорошими подругами.

Возле дивана стоял журнальный столик, на столике лежали игральные карты, стоял графин с лимонадом, стаканы из зеленого стекла и керамическая пепельница.

– Крис, я пришел, – сообщил Николас. – Зельда, привет! Здравствуйте, фрау Шеен.

– Здравствуй, Николас, – фрау Шеен взглянула на него поверх карт.

Зельда только махнула Николасу рукой. Она сидела на диване в рваных джинсовых шортах и мятой футболке с логотипом немецкой группы «Альфавиль». Её полные ляжки сверкали в полосе солнечного света, падающей из широкого окна в гостиную. Спутанные рыжие волосы лезли Зельде в глаза. Девушка теребила карты в руке, хмурилась и кусала нижнюю губу.

Кристен играла хуже всех. А фрау Шеен почти всегда выигрывала. Хитрая Зельда старалась переиграть Эрику Шеен, но та была слишком опытным игроком.

Николас заглянул на кухню, взял из холодильника банку «колы» и сделал бутерброд с ветчиной. Он уже стал подниматься по лестнице к себе в комнату, когда его окликнула Кристен.

– Николас! Фрау Штефан мне опять на тебя жаловалась.

– Она вечно ко мне цепляется, – сказал Николас, откусывая от бутерброда.

– Фрау Штефан говорит, ты сорвал ей урок.

Молодой человек только пожал плечами.

– Останешься без сладкого, – устало сказала Кристен и взяла со стола карты, – из дома ни ногой. Сиди у себя в комнате и делай уроки. И только попробуй завалить выпускные экзамены!

– Хорошо, Крис.

Сидя рядом с Зельдой на диване, Кристен пустыми глазами смотрела в карты, а сама прислушивалась к шагам на лестнице. Вот Николас поднялся на второй этаж, пнул ногой дверь в свою комнату, шагнул за порог и уронил на пол рюкзак с учебниками. Кристен вздрогнула от громкого стука, с которым захлопнулась дверь в комнату кузена. Кристен была худенькая, стройная, и ростом чуть повыше Николаса. У неё были черные длинные волосы, узкое с острым подбородком лицо, аккуратный маленький носик и большие темно-карие, почти черные глаза. Кристен любила одеваться во все черное – черные платья, черные брючки, черные рубашки. Она не носила шорт, не любила джинсы и футболки. Домашний халат у Кристен тоже был черный.

Кузина с раздражением бросила карты на стол.

– Ну вот, мне опять придется идти в школу и извиняться перед фрау Штефан. У меня просто не хватает сил заниматься его воспитанием! Я прихожу с работы такая усталая, что с ног валюсь. Я боюсь, что Николас не сдаст выпускные экзамены и останется на второй год. И ведь Николас вовсе не глупый, ему просто лень учиться!

Зельда усмехнулась, но не стала ничего говорить. Она знала, что Кристен работает в магазине грампластинок четыре дня в неделю. На работе Кристен большую часть времени проводит сидя за прилавком и слушая музыку.

– Вам надо быть строже с молодым человеком, милочка, – заметила Эрика Шеен и поставила стакан с лимонадом на стол.

– И как же мне, прикажите поступать с Николасом? Что вы мне посоветуете, Эрика?

Фрау Шеен пожала плечами.

– Ну, если Николас ленится и не желает учиться... Что же, выпорите его хорошенько. Вот вам мой совет.

Кристен нервно рассмеялась. Она откинула голову назад. Её черные гладкие волосы рассыпались по плечам.

– Между прочим, я советовала тебе тоже самое! – напомнила Зельда.

– Вы это серьезно? Николас уже взрослый, не слишком ли поздно его пороть? Да и потом, телесные наказания – это не педагогично...

Кристен обвела взглядом гостиную – современная мебель в светлых тонах, радиола, стоящие на полке виниловые диски, широкие окна, косой прямоугольник солнечного света на ковре. Кристен представила себе, как Николас медленно подходит к дивану, останавливается и с испуганным видом оглядывается через плечо. Вот кузен расстегивает джинсы, и они съезжают по его длинным худым ногам на пол. От смущения у Николаса пылает лицо, он опускается на диван ничком. А она, Кристен, стоит рядом с тонким ремешком в руке, у нее строгое и печальное лицо. Николас лежит на диване, уткнувшись лицом в подушку, и ждет первого удара ремнем. У него давно не стриженные спутавшиеся черные волосы, такие же черные, как и у Кристен...

– Я беспокоюсь о Николасе, – сказала, словно между прочим, фрау Шеен, – как бы он не попал в беду.

Эрика Шеен было немного за тридцать. Это высокая статная женщина каждое утро пробегала от своего дома на улице Гусиной Песни до самого края городка, до последнего дома на Морской, до рыбацких причалов. По дороге в школу Николас частенько встречал фрау Шеен. Эрика совершала утренние пробежки в спортивных шортах, и Николас каждый раз любовался её длинными мускулистыми ногами и крепкой задницей. Эрика носила короткую стрижку под мальчика. Волосы у неё были светло-русые. Тонкие изогнутые брови придавали её вытянутому лицу удивленное и недоумевающее выражение. Голубые глаза фрау Шеен смотрели на мир внимательно и бесстрастно. У неё был большой рот, тонкие, красиво очерченные губы и подбородок с ямочкой.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказала фрау Шеен, – но ваш кузен очень ленив, разболтан, у него словно нет стержня внутри. С Николасом может случиться, всё что угодно.

– Да, вы совершенно правы, – вздохнула Кристен.

– Николас то и дело таскает у Крис сигареты, – наядбедничала Зельда.

– Я боюсь, что с Николасом может случиться что-то на самом деле плохое, – повторила фрау Шеен, пристально глядя на Кристен. – Спутается с плохой компанией и сбежит из дома. Станет бродяжничать, воровать и покатится по наклонной дорожке. Сперва алкоголь, потом наркотики...

– Эрика, ну что вы меня пугаете, в самом деле!

Кристен быстро поднялась с дивана и подошла к окну. Обняв себя руками за плечи, она смотрела на вечернюю, уже накрытую прозрачной тенью улочку. Солнце опустилось за крышу дома, стоящего на другой стороне. В приотворенное окно долетали с озера крики чаек.

– Скажите, Кристен, вы знаете, где я работаю? – спросила фрау Шеен.

Кристен пожала плечами.

– Вы говорили, но я позабыла... Вы педагог? Нет?

– Я работаю воспитателем в Лангенрайне.

– И что с того?

– Это исправительное заведение для трудных подростков, – как бы между прочим заметила Зельда.

Девушка быстро взглянула на Эрику Шеен и принялась крутить по столешнице стакан с лимонадом.

– Поверьте, милочка, я видела много молодых людей, которые сбились с пути. Мы в Лангенрайне пытаемся им помочь. Многие из этих подростков после пребывания в исправительном заведении начинают жить ответственной жизнью. И я думаю, очень скоро ваш Николас окажется в Лангенрайне или в другом похожем месте. И, поверьте, это не самое плохое, что может случиться с молодым человеком.

Кристен смотрела на Эрику расширенными испуганными глазами. Она нервно облизнула губы, прежде чем спросить.

– И что же... В этом исправительном заведении вы применяете телесные наказания?

Эрика Шеен сухо рассмеялась и откинулась на спинку кресла.

– Кристен, вы говорите с таким ужасом в голосе... Поверьте моему обширному опыту, телесные наказания необходимы для подростков. Читать нотации испорченному молодому человеку или девушке – это без толку, а вот хорошая порка, знаете ли, очень даже помогает. Нас всех заморочили этими разговорами о том, что пороть детей непедагогично и, пожалуйста, выросло целое поколение бродяг и наркоманов! Я имею ввиду этих кошмарных хиппи... Не смотрите вы на меня так! Нет ничего плохого в том, чтобы высечь за дело наглого самоуверенного мальчишку. Вы должны понимать, Кристен, что мы в Лангенрайне любим своих воспитанников.

– Да, вы, наверное, правы, – задумчиво сказала Кристен, – просто, всё это так неожиданно.

– Крис, – сказала Зельда подруге. – Эрика желает твоему кузену только добра.

– Я думаю, вам будет не просто первый раз наказать Николаса, – заметила фрау Шеен. – Когда вам понадобится мой совет или помощь обязательно позвоните. У Николаса сейчас сложный возраст.

– Я обязательно позвоню, – пообещала Кристен серьезно, – спасибо вам, Эрика.

Она могла позабыть об этом странном разговоре, но все сложилось иначе. На другой день Николас попал в беду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старший лейтенант полиции Нильс Новицки вел Николаса по Новой улице, положив молодому человеку руку на плечо. Николасу было неловко, ему казалось, что все на улице смотрят на него. Поэтому он шел, опустив голову, и разглядывал мостовую у себя под ногами. Полицейский и Николас прошли через площадь и стали спускаться вниз по Морской. Погода менялась на глазах. С озера налетал порывами пронизывающий ветер. По небу неслись хмурые, похожие на клубы сажи тучи. Оторвав взгляд от мостовой, Николас взглянул на озеро. Вода в Боденском озере стала свинцового цвета, а дальний берег уже пропал за пеленой дождя.

Полицейский свернул к дому Кристен и поднялся на крыльцо. Герр Новицки кашлянул в кулак, расправил пышные мышиного цвета усы и только потом нажал толстым пальцем на кнопку звонка.

– Бим-Бом! – пропел звонок в прихожей.

Николас услышал легкие шаги кухни и с независимым видом стал смотреть вдоль улицы. Дверь распахнулась.

– Ой! – испуганно сказала Кристен.

На пороге стоял Николас, а за его спиной Кристен увидела немолодого коренастого мужчину в темно-синей форме полицейского. У Нильса Новицки было широкое вызывающее доверие лицо, маленький нос и круглые бесцветные глаза, а бровей не было совсем. Рядом с полицейским Николас казался худым и нескладным подростком.

– Кто там, Крис? – услышал Николас голос Зельды из гостиной.

Полицейский снова откашлялся и оправил форменную куртку.

– Старший лейтенант полиции Нильс Новицки, – представился он, – а вы, если не ошибаюсь...

– Кристен... Кристен Кох, – кухня отступила в сторону, – прошу вас, заходите.

Полицейский и Николас вошли в прихожую. Кристен быстро выглянула на улицу и затворила за ними дверь.

– Кто там, Крис? – снова спросила Зельда.

– Это полицейский. Он привел Николаса.

– Врешь! – уверенно сказала Зельда.

– Сама посмотри! – со злостью ответила Кристен.

Нильс Новицки сидел в мягком удобном кресле и с удовольствием пил кофе со сливками из большой кружки. Фуражку полицейский положил на стол. Кристен и Зельда сидели с другой стороны журнального столика на низком диване. Николас стоял возле окна и делал вид, что он тут не совершенно не причем. Сперва молодой человек попытался улизнуть в свою комнату, но Кристен велела ему остаться в гостиной.

– Так что же натворил мой кузен? – спросила Кристен, когда полицейский несколько раз обмакнул в кофе свои усы.

Небо над городком затянуло тучами, и в гостиной стало сумрачно, словно уже смеркалось. По оконным стеклам громко стучал дождь.

– Ваш кузен зашел сегодня в одну книжную лавку, – стал рассказывать полицейский, не спуская взгляда внимательных круглых глаз с Кристен. – Вы, наверное, знаете этот магазинчик неподалеку от ратуши? Хозяйка лавки Барбара Швирс, почтенная женщина...

– Да, я знаю этот магазинчик, – кивнула Кристен.

Герр Новицки осторожно поставил чашку на стол.

– Спасибо, очень вкусный кофе... Так вот... В этой книжной лавке можно найти множество замечательных книг. Жемчужины германской литературы и поэзии. Труды великих немецких философов. И современная литература тоже представлена... И не только немецкая, нет! Много переводных романов и английских, и американских, и даже русских... Кроме всего прочего, в этом магазинчике можно купить журналы... Такие, знаете ли, журналы, – полицейский сделал странное движение пальцами, словно хотел изобразить морскую волну, – ну, вы меня понимаете?

– Нет, – холодно ответила Кристен.

Слушая полицейского, рыжая Зельда ухмылялась и таскала арахис из стоящей на столике вазочки.

– Ну, скажем, журналы для мужчин, – нашелся старший лейтенант Новицки. – С картинками. Да! С непристойными картинками.

– Так что же?

– Ваш кузен попытался украсть такой журнал, но фрау Швирс поймала его за руку и вызвала полицию.

Нильс Новицки расстегнул верхнюю пуговицу форменного кителя, небрежным жестом фокусника вытащил из-за пазухи глянцевого журнал и положил на столик. Но Кристен даже не взглянула на журнал. С каменным лицом она сидела на диване и не спускала пристального взгляда с кузена. Зельда отряхнула с рук шелуху.

– Это же «Хастлер»! – сказала девица, пихая Кристен локтем в бок. – А у мальчишки губа не дура!

– У журнала немного порвана обложка. Вот здесь, видите?

– Да, вижу, – ответила кузина, продолжая сверлить Николаса взглядом.

Нильс Новицки вздохнул и по-отечески улыбнулся Кристен.

– Если вы заплатите за журнал, то фрау Швирс со своей стороны готова позабыть об этой неприятной истории, – торжественно объявил полицейский. – У нас славный маленький городок. Мы все добрые соседи. Не правда ли, Кристен?

– Да, конечно... Сколько я должна фрау Швирс?

Герр Новицки достал блокнотик из кармана, перелистнул пару страничек и назвал стоимость журнала.

Николас смотрел за окно, на потоки дождя, бегущие вниз по улице. Ему было скучно, и это скучливое выражение на лице кузена окончательно вывело из себя Кристен.

Два года назад родители Николаса погибли в автокатастрофе. Эти два года Кристен заботилась о кузене, мирилась с его кошмарной ленью, бесконечным враньем и гадкими проделками. Николас отмахивался от Кристен, словно от назойливой мухи, он ни в грош не ставил ее заботу и жил так, как ему хотелось. Николас грубил, таскал мелкие деньги и сигареты из сумочки Кристен. Он не желал учиться. Сколько раз Кристен приходилось краснеть за Николаса и извиняться перед соседями, а кузен стоял себе в сторонке с этим скучливым выражением на лице.

Кристен достала кошелек из сумочки и отсчитала несколько марок.

– Спасибо, за ваше участие, герр Новицки. Не хотите еще кофе?

– Благодарю, но мне нужно идти. Я на дежурстве, – полицейский поднялся и взял со столика фуражку.

Кристен проводила его до порога. В прихожей на тумбочке стоял телефонный аппарат. Кристен сняла трубку и стала набирать номер. Стоя в гостиной, Николас слушал, как щелкает диск телефона. Нетерпеливо наматывая на палец витой провод, Кристен ждала, когда ответят на том конце. Наконец, Эрика Шеен взяла трубку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Бим-Бом! – пропел звонок в прихожей. – Бим-бом! Бим-бом!

Зельда, напевая «Big in Japan», вышла в прихожую, щелкнул дверной замок. До Николаса долетел голос Эрики Шеен и смех девицы. Обернувшись, Николас увидел, как фрау Шеен входит в гостиную. На Эрике Шеен были белые хлопковые бриджи до середины икры и блузка в крупную клетку.

– Ну здравствуй, Николас!

– Добрый вечер, фрау Шеен, – пробормотал Николас.

Кристен торопливо поднялась с дивана.

– Эрика, я так рада, что вы пришли!

Эрика Шеен улыбнулась Кристен, сняла с плеча замшевую сумочку и положила её на журнальный столик. Оглядев гостиную, фрау Шеен заметила стоящий в углу стул с высокой спинкой.

– Зельда, дорогуша, вы не могли бы поставить сюда этот стул.

Подруга Кристен принесла стул и поставила рядом с журнальным столиком. Зеленые глаза Зельды азартно блеснули. Её рыжие медного оттенка волосы почему-то всегда казались грязными. Зельда носила похожие на балахоны футболки с логотипами музыкальных коллективов и рваные джинсовые шорты. У неё была большая грудь и широкие полные бедра. Николас терпеть не мог Зельду, и Зельда отвечала ему взаимностью.

Эрика положила руку на высокую спинку стула и качнула его из стороны в сторону. Ножки глухо стукнули о ковер. Фрау Шеен осталась довольна стулом и торжественно опустилась на сиденье. Хлопковая ткань бриджей гладко без единой складочки натянулась на крепких ляжках.

– Николас, будь добр, подойди ко мне, – попросила Эрика.

Николас подошел, нарочно шаркая ногами по ковру. Молодой человек всем своим видом старался показать, что ему наплевать на этот спектакль.

– Кухня совершенно тебя избаловала! Ты не желаешь учиться в школе и постоянно срываешь уроки. Хуже того, сегодня домой тебя привел полицейский! Но теперь, Николас, всё будет по-другому! За любой проступок тебя станут наказывать, как нашкодившего мальчишку.

– Я уже совершеннолетний, фрау Шеен, – усмехнулся Николас, – вы, кажется, забываете...

– Ты слышал об исправительном заведении в Лангенрайне? Это в полчасе езды от Бодмана.

Николас кое-что слышал про Лангенрайн. Это была страшилка, которую рассказывают друг другу мальчишки в начальных классах. Обветшалое здание на окраине Лангенрайна, женщины-надсмотрщицы и длинные цирковые хлысты. Признаться, Николас думал, что исправительное заведение в соседнем городке закрылось много лет назад.

– Я работаю воспитателем в этом заведении, – как бы между прочим сообщила фрау Шеен, излучая ледяное спокойствие.

Николас покосился на Кристен. Кухня сидела на диване в черном халатике, сложив на коленях руки. Она смотрела мимо Николаса за окно гостиной. Морская улица таяла за пеленой дождя. Дождь лился по стеклу ручьями и стучал по цинковым отливам окон.

– Позволь рассказать тебе кое-что о Лангенрайне, – фрау Шеен провела руками по белоснежным хлопковым бриджам. – Из нашего заведения даже самые отпетые хулиганы выходят кроткими овечками. О Лангенрайне не принято говорить. Конечно, все дело в наших методах. Телесные наказания – это табу в современной педагогической науке... Любой молодой человек, попавший в Лангенрайн, на своей шкуре познакомится с ротанговой тростью, плетью

и шамберьером. Если ты не знаешь, шамберьером называют длинный цирковой хлыст. Даже несильный удар таким хлыстом рвет кожу до крови...

Фрау Шеен смотрела на Николаса в упор своими ясными голубыми глазами.

– Я могу сию минуту сделать один телефонный звонок, и завтра ты окажешься в Лангенрайне. С согласия твоей кухни, разумеется. Я полагаю, одного месяца в исправительном заведении будет довольно.

Эрика Шеен сухо рассмеялась. Это было так неожиданно, что Николас вздрогнул.

– Скажи, ты хочешь, попасть в Лангенрайн?

Николас не знал верить фрау Шеен или нет. Ему стало тоскливо и страшно. Николасу показалось, что тот уютный мир, в котором он жил, вот-вот исчезнет.

– Нет, фрау Шеен, не хочу, – торопливо сказал Николас.

– Ну, хорошо, – кивнула Эрика Шеен, не спуская с него цепкого взгляда. – С этого дня у тебя начинается другая жизнь. Запомни, Николас! За каждую плохую отметку в школе. За каждое бранное слово. За каждую выкуренную сигарету. За каждый скверный поступок Кристен будет тебя наказывать. И если ты хоть раз ослушаешься кухню... Я тебе обещаю, Николас, на другой же день ты окажешься в Лангенрайне! Ты хорошо меня понял?

– Да, фрау Шеен.

– Ну, что ж... Кристен рассказала мне, что сегодня ты украл журнал в книжной лавке фрау Швирс. Так поступать нельзя. И я хочу, чтобы ты хорошенько это запомнил. Тебе не наказывали прежде, Николас?

Николас покраснел и ничего фрау Шеен не ответил.

– Нет, мы никогда не наказывали Николаса, – сказала Кристен.

– Теперь, милочка, вы сами видите, к чему это привело!

Эрика Шеен потянулась к столику и, шелкнув замочком, открыла замшевую сумочку. Из сумочки фрау Шеен достала массажную щетку для волос из букового дерева. Взяв щетку за удобную длинную ручку, фрау Шеен звонко шлепнула себя по ладони.

– Подойди ближе, Николас, вот сюда. Теперь стань на колени.

Николас неловко опустился на колени возле стула. Мысли путались у него в голове. Николас не мог поверить, что фрау Шеен собирается отшлепать его массажной щеткой, словно мальчишку!

– Зельда, ты не могла поставить какую-нибудь пластинку на проигрыватель. Зачем нам беспокоить соседей?

Зельда поднялась с дивана и подошла к радиоле.

– Хотите, я поставлю «Аббу»?

– На твой вкус, – пожала плечами Эрика Шеен.

Зельда включила проигрыватель и достала пластинку из конверта. Это был «Voulez-Vous» – самый свежий диск ансамбля. Девушка осторожно опустила иглу на виниловый диск. Раздалось шипение, а потом заиграла бодрая «As Good As New».

– Будь добр, расстегни джинсы и спусти до колен, – велела фрау Шеен.

Николас почувствовал, что краснеет. Он растерянно оглянулся на кухню, но та не желала смотреть в его сторону. На ее губах играла улыбка, а глаза странно блеснули.

– Ну же, я жду. Ты должен научиться отвечать за свои поступки.

– Не смей упрямиться, Николас! – сердито сказала Зельда и отвесила ему подзатыльник. – Ты заслужил хорошую выволочку.

Неловкими руками Николас расстегнул пуговицу на поясе, и стащил джинсы с бедер. Эрика Шеен хлопнула ладонью по биджам. Ни на кого не глядя, Николас лег животом на колени фрау Шеен. Опустив голову вниз, он увидел ножки стула, мускулистые икры фрау Шеен и её белые туфельки. Ладонями Николас уперся в пол.

– Я надеюсь, ты проявишь мужество и не станешь кричать, как девчонка? – спросила Эрика и слегка шлепнула Николаса щеткой.

На его ягодичах плотно сидели узкие черные трусы. Левую руку фрау Шеен положила Николасу на поясницу, чтобы во время наказания молодой человек не соскочил с её колен.

– И, пожалуйста, не забывай, что я делаю это для твоей же пользы!

Эрика Шеен невысоко подняла руку и шлепнула Николаса массажной щеткой. Боль обожгла ягодицу, словно кипяток. Николас заерзал на коленках у фрау Шеен. Из динамиков радиолы довольно громко звучала «АВБА», и все же он слышал, как захихикала противная Зельда.

– I know what you think

The girl means business so I'll offer her a drink

– задорными упругими пели голосами Агнета и Бенни.

Фрау Шеен замахнулась и снова шлепнула его щеткой. Николас замычал сквозь плотно сжатые зубы...

Зельда сидела, откинувшись на подушки, с миской полной жареного арахиса на коленях и, не глядя, кидала орешки в рот. Не отрываясь, девица следила, как фрау Шеен шлепает Николаса массажной буковой щеткой. Черные трусы скрывали следы побоев, но на голых ляжках Николаса горели лиловые овалы. Когда массажная щетка с громким треском ложилась на его узкую задницу, Николас резко вскидывал голову. На его глазах блестели слезы, казалось еще немного, и он расплчется. Лицо Эрики Шеен оставалось невозмутимым, а на губах играла безмятежная улыбка.

Николасу уже не было стыдно оттого, что он лежит со спущенными джинсами на коленях у фрау Шеен. Ему не было стыдно, что Кристен и ее подружка с интересом наблюдают, как его шлепают массажной щеткой. Боль от побоев заставила Николаса забыть про стыд. Каждый удар буковой щетки нестерпимо жег кожу на ягодичах. Николас извивался на коленях у Эрики и дергал ногами. Он надеялся, что порка вот-вот закончится, но фрау Шеен и не думала останавливаться.

– Фрау Шеен, довольно! – не выдержал Николас. – Ну, пожалуйста, хватит уже!

– Я полагаю, кухне придется частенько тебе наказывать, – спокойно заметила Эрика. – Тебе нужно запастись терпением и мужеством.

Но ни того, ни другого у Николаса уже не оставалось. И когда Эрика Шеен снова шлепнула его массажной щеткой, Николас попытался подняться с её обтянутых белыми бриджами колен. Эрика нахмурилась и больно шлепнула его по ляжке. Николас вскрикнул высоким голосом и принялся растирать след от удара рукой.

– Кристен, помоги мне! – попросила Эрика.

Кристен растерянно взглянула на фрау Шеен. Зельда толкнула её локтем, но видя, что от подружки мало толку, поднялась и подошла к Эрике.

– Николас не желает лежать смирно, придержи-ка его.

Сквозь упавшую на глаза челку Николас видел ухмылку на лице Зельды. Девица нагнулась и крепко схватила его за волосы.

– Спасибо, милочка, – поблагодарила её фрау Шеен.

Кристен смотрела, словно зачарованная, как буковая массажная щетка снова и снова падала на задницу Николаса, как её кузен вертелся на коленях у фрау Шеен, и стучал ладонями по полу.

Кристен поднялась с дивана и, подойдя к радиоле, перевернула пластинку на другую сторону. Заиграла песенка «Does Your Mother Know». С сигареткой в руке Кристен отошла к окну. Она шелкнула зажигалкой, затянулась и, раздвинув шторы, стала смотреть на темную вечернюю улицу.

You're so hot, teasing me

So you`re blue
But I can` t take a chance on a chick like you
That`s something I couldn` t do
– звучало из динамиков радиолы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он лежал в темноте, уткнувшись лицом в подушку. Время было за полночь, но задницу так саднило, что заснуть не получалось. Когда Николасу надоело валяться без сна, он поднялся с кушетки, вышел за дверь и постоял, прислушиваясь, на верхней ступеньке лестницы. В доме все было тихо. Стараясь не шуметь, Николас спустился вниз и прошел на кухню. Он не стал зажигать лампу под потолком, льющегося из окна лунного света Николасу было довольно. Он открыл холодильник, достал из морозильной камеры формочку с кубиками льда. Пересыпал лед в пластиковый пакет и быстро вернулся к себе в комнату. Николас лег ничком на кушетку и стащил пижамные штаны. Пакет со льдом он пристроил сперва на одну ягодицу, потом на другую. Боль понемногу стала стихать. Николас лежал на кушетке и смотрел за окно на темный дом на другой стороне улочки. Над черепичной крышей стоял тонкий серпик луны. Вдалеке за скатами крыш с печными трубами и флюгерами Николас видел шпиль городской ратуши. Где-то в той стороне был дом фрау Шеен. Николас знал, где живет Эрика Шеен, нужно было пройти по Дворцовой улице мимо ратуши и свернуть на улицу Гусиная Песня, а там уже и рукой подать. Он был обижен и возмущен тем, как с ним обошлась фрау Шеен. И еще он был зол на кухню и, конечно, на Зельду. Но больше всех он ненавидел Эрику Шеен. Николас считал, что должен непременно с ней по квитаться. Он мстительно улыбнулся и поправил на ягодицах пакет со льдом. Николас лежал на кушетке и придумывал разные способы, как свести счеты с фрау Шеен. Тем временем лед таял в пакете, и на Николаса наваливался сон...

Утро было хмурое. Ветер с озера толкал Николаса в спину, когда молодой человек ехал на велосипеде по улочкам городка. В седло он не садился и крутил педали стоя. Седло было жесткое, и стоило ненароком присесть, как Николас живо вспоминал о вчерашней выволочке. Проехав мимо ратуши, Николас соскочил с велосипеда и обернулся. Город уступами рыжих черепичных крыш спускался к Боденскому озеру. Озеро было таким большим, что дух захватывало. И если противоположный берег с покатою зеленой горой и городком Лудвигсхафен у её подножия был отчетливо виден в ясную погоду, то на востоке озеро становилось все шире и шире, и тянулось вдаль, пока не пропадало в серой дымке.

Холодный ветерок забирался под одежду. Николас застегнул потертую вельветовую куртку и по улице Гусиной песни направился к дому фрау Шеен. Велосипед он держал за руль и катил рядом с собой. Этот старый одноэтажный дом с белеными стенами Николас узнал сразу. Под окнами стоял каштан с обрезанными на зиму ветвями. Живая ограда из тиса была аккуратно подстрижена. На тротуаре возле дома был припаркован желтый «фольксваген» Эрики. А пройдя ближе, Николас заметил, что за «жуком» стоит серый новенький «опель».

Николас огляделся по сторонам – на улице не было ни души. Тогда молодой человек быстро свернул в проулок. Он поставил велосипед на подножку, а сам пролез сквозь тисовые кусты. Пригнувшись, Николас подбежал к стене дома и замер возле окна. Оконная створка была приоткрыта, и Николас услышал взволнованный мужской голос,

– Ты же простишь меня, дорогая?

– Если у тебя хватит мужества сдержать слово, я не подам на развод, – ответила женщина.

В её голосе Николасу послышалась насмешка.

– Анна, я искренне сожалею о своем недостойном поведении...

– Мы уже говорили об этом много раз. Артур, ты всегда так искренне раскисаешься! А потом все повторяется, как в дурном сне. Ты неисправим, Артур! У меня осталась надежда только на вас, фрау Шеен.

– Что же если, герр Харпе сам, по доброй воле... Я подчеркиваю, добровольно... – начала было фрау Шеен, но мужчина её перебил.

– Я иногда думаю, что сошел с ума! Это просто какой-то кошмар... Это так нелепо, так...

Анна Харпе со значением кашлянула в кулачок.

– Да, дорогая, – торопливо сказал мужчина, – Я по своей воле, ради сохранения нашей семьи... Я прошу вас, фрау Шеен!

– Хорошо, герр Харпе, будь по-вашему, – согласилась Эрика Шеен. – Пожалуй, будет лучше закрыть окно.

– У вас двойные рамы? – удивилась фрау Харпе.

– Верно, милочка, это чтобы с улицы не было слышно ни звука.

Николас услышал, как над его головой захлопнулась оконная створка. Он поднялся с корточек и осторожно заглянул в окно. Николас увидел несколько старомодно обставленную комнату с массивным столом, книжным шкафом и парой стульев для посетителей. Стены комнаты были оклеены зелеными в золотую полоску обоями. Возле окна стоял молодой мужчина лет двадцати пяти. У Артура Харпе было несчастное испуганное лицо, аккуратно постриженная светлая борода и жидкие, редкие на макушке волосы. Дрожащими пальцами Артур расстегивал пуговицы рубашки. В глубине комнаты стояла фрау Шеен в темном строгом платье и другая женщина, вероятно Анна. Эта была невысокая полная дама приятной наружности с румяными щеками, пухлыми губками и бегающими глазками. Скрестив руки на груди и беззаботно улыбаясь, Анна Харпе наблюдала, как ее муж снимает рубашку и, аккуратно сложив, кладет на стул. Оставшись в брюках, герр Харпе оглянулся на женщин. Эрика Шеен коротко кивнула. Её глаза вспыхнули, словно льдинки в сумраке кабинета. Мужчина, опустив голову, стал расстегивать пуговицы на поясе. У него была бледная кожа с россыпью веснушек на груди. Он был худощав, но отрастил небольшое брюшко. Когда на мужчине из одежды остались лишь длинные клетчатые трусы и носки, фрау Шеен взяла его за локоть и отвела в угол кабинета. Артур шел за фрау Шеен медленно на полусогнутых ногах, словно каждый шаг давался ему с трудом. И только тогда Николас заметил в углу что-то вроде высокого столика с маленькой столешницей и крепкими ножками из бруса. Понутив голову, Артур подошел к этому столику и неловко лег грудью на столешницу. Нет, никакой это был не столик! Неожиданно Николас вспомнил, что уже видел где-то этот странный предмет интерьера, вероятно, в каком-то фильме или книге. В кабинете фрау Шеен стояли самые настоящие козлы для порки!

Сперва Эрика Шеен пристегнула кожаными ремешками запястья Артура, а потом затянула на его поясище широкий ремень. Движения фрау Шеен были уверенными и быстрыми, Николасу пришло в голову, что она делает это не в первый раз. Обойдя козлы, фрау Шеен нагнулась и стала затягивать кожаные ремешки под коленями герра Харпе, пристегивая ноги мужчины к толстым, покрытым темным лаком брускам. Закончив с этим, Эрика отошла в ту часть комнаты, которая была Николасу не видна и вернулась с ротанговой тростью. Трость представляла собой довольно толстый прут, загнутый крючком с одной стороны. Эрика несколько раз согнула трость в руках и хлестнула ротангом по воздуху. Обернувшись, она что-то кротко сказала Анне. Фрау Харпе подошла к козлам и, взявшись за широкую резинку, сдержала с мужа клетчатые трусы. У Артура Харпе были широкие бедра и большие бледные ягодицы, они молочно светились в сумраке комнаты.

Николас не мог поверить, что это происходит на самом деле. Когда, сквозь оконное стекло, он глядел на бесстрастное, вытянутое лицо Эрики Шеен, её тонкие изогнутые брови и соломенную челку, Николасу казалось, что он смотрит какой-то странный фильм.

Примериваясь фрау Шеен похлопала кончиком трости по бледным ягодицам Артура. Тот лежал на козлах неподвижно, словно окаменев, вцепившись руками в ножки из бруса и зажмурив глаза. Фрау Харпе была заметно взволнованна, она растеряннo улыбалась и теребила нитку бус на шее.

Эрика Шеен отвела руку для удара, улыбнулась, что-то сказала Анне, и хлестнула тростью. Ротанговый прут впился в бледную кожу, изогнулся, а потом отскочил обратно. Артур дернулся на козлах, словно хотел вскочить и убежать, но ремни крепко его держали. Фрау Шеен дождалась, пока Артур перестал ерзать и снова хлестнула его ротангом. Глядя на фрау Шеен испуганными широко раскрытыми глазами, Артур стал что-то торопливо говорить. Его губы дрожали. Эрика Шеен с ничего не выражающим лицом пожала плечами. На худых ягодицах Артура проступили две лиловые полосы от ударов тростью. Они на глазах темнели. Фрау Шеен отвела руку назад и хлестнула в третий раз. Николас представил себя на месте Артура Харпе, пристегнутого ремнями к козлам, представил, как гибкая трость со свистом рассекает воздух и снова и снова хлещет его по ягодицам.

Николасу сделалось не по себе, и он медленно опустился на корточки под окном. Всё это было дико – и фрау Шеен с тростью в руках, и голый мужчина с бородкой, лежащий на козлах, и его странная, похожая на птичку жена с этой улыбочкой и блеском в глазах. Но в этом неприличном постыдном спектакле, в хлестких ударах ротанговой тростью, было что-то, что он никак не мог понять. Николасу было страшно смотреть, как фрау Шеен бьет тростью Артура Харпе, но он не мог заставить себя уйти.

Успокоившись немного, Николас снова заглянул в окно. Герр Харпе по-прежнему лежал на козлах. Бледные ягодицы и ляжки Артура были исчерканы потемневшими припухшими следами от ударов ротанга. Следы перекрещивались и ложились друг на дружку, там, где кончик трости порвал кожу, из ранок сочилась кровь. Женщины стояли возле козел и о чем-то разговаривали. Вернее, говорила фрау Шеен, а Анна внимательно слушала и то и дело кивала. Вот фрау Харпе взяла трость из рук Эрики Шеен, несколько раз взмахнула ротангом в воздухе и рассмеялась. Потом, закусив губу, она замахнулась и хлестнула тростью поперек и так уже исполозованных ягодиц Артура. Герр Харпе вскрикнул и изогнулся на козлах. Он часто дышал, его спина блестела от пота, струйки пота текли по его лицу.

Эрика Шеен сказала что-то, видимо похвалила Анну. Фрау Харпе улыбнулась, поправила рукой волосы и снова отвела руку для удара. Её глазки сверкали, на щеках играл румянец, полные губки были чуть приоткрыты. Она хлестнула тростью Артура еще раз, и еще. Николас с удивлением почувствовал, как его член отвердел, распрямился и уперся головкой в ширинку.

Когда сеанс закончился, и Эрика Шеен растегнула ремни, Артур медленно поднялся с козел. Морщась от боли, он осторожно натянул трусы на исхлестанные ягодицы. Женщины молча ждали, пока Артур оденется, а потом фрау Харпе вывела его из комнаты. В эту минуту Николас поклялся себе, что будет приветлив и вежлив с фрау Шеен, что бы ни случилось. Ещё полчаса назад вчерашнее битье массажной щеткой казалось Николасу чем-то неслыханным и кошмарным. Теперь Николас знал, что существует еще и ротанговая трость, которая оставляет жуткие следы и рвет кожу до крови.

Хлопнула дверь на крыльце, и Николас быстро спрятался за тисовыми кустами.

– Я так рада, что помогла вам с этой маленькой проблемой, – услышал Николас голос фрау Шеен, – Звоните, когда вам будет нужен совет или если просто захотите поболтать.

– Непременно позвоню, – пообещала Анна.

Супруги прошли за живой оградой в паре метров от Николаса. Сквозь кусты он видел, как Анна и Артур Харпе остановились возле «опеля». Артур открыл дверцу со стороны пассажирского места для супруги, потом обошел автомобиль. У него было задумчивое скорбное лицо. Герр Харпе открыл другую дверцу и привычно сел на место водителя, но тут же выбрался из машины. Он стоял на тротуаре, поправлял пиджак и растеряннo оглядывался по сторонам.

– Что-то случилось, дорогой? – спросила Анна ангельским голоском.

Она стояла у распахнутой дверцы.

– Дорогая, а можно я пойду пешком?

– Это что еще за фокусы? – строго спросила Анна и надула губки.

Герр Харпе кашлянул и нервно провел рукой по бороде.

– Дорогая, как ты не понимаешь...

Николас услышал, как Анна звонко рассмеялась.

– Я всё понимаю. Сию же минуту садись в машину. Если хочешь знать, мне было стыдно за тебя! Ты визжал, как девчонка!

– Дорогая, прошу тебя, говори тише!

– Сию же минуту садись в машину. Потерпишь немного в конце концов, мужчина ты или нет?

Уперев руки в боки, Анна сердито смотрела на мужа, но Николасу показалось, что она только делала вид, что злится на Артура, а на самом деле у фрау Харпе было чудесное настроение. Артур вздохнул, осторожно заполз в салон машины и тут же застонал.

– И пожалуйста, не надо стонать! – предупредила его Анна и тоже села в машину, – как волочиться за каждой юбкой, ты у нас кобель, а как отвечать за свои поступки, ты – маленький мальчик!

– Прости меня, дорогая...

И Анна захлопнула дверцу со своей стороны. Серый «опель» медленно покати по улице Гусиной Песни в сторону ратуши. Подождав пока машина скроется за поворотом, Николас выбрался из-за тисовой изгороди, сел на велосипед и поехал в школу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Позволь спросить, почему ты опоздал? – поинтересовалась, выдержав значительную паузу, фрау Хартман.

Полная, невысокого роста Фрида Хартман стояла у доски в светлом платье с вышитом по подолу орнаментом. Высокая грудь учительницы, то поднималась, то опускалась, она была возмущена поведением Николаса. Учительница географии Фрида Хартман была мулаткой. Ученики между собой прозвали её фрау Сиська.

Николас пожал плечами и стал демонстративно рыться в рюкзаке. За партой рядом с Николасом сидел Толстый Сэм. У Сэма было румяное круглое лицо, маленькие хитрые глазки и тусклые желтые волосы, которые, несмотря на мусс для укладки, торчали в разные стороны.

На первую парту возле учительского стола всегда садились близняшки – Штеффи и Клара. Они поглядывали на Николаса, перешептывались и тихо хихикали. За близняшками сидела Агнет Беле. Николас каждый день провожал Агнет из школы домой. На прошлой неделе они первый раз поцеловались. Агнет медленно повернула голову, и Николас увидел, как в стеклах ее круглых очков отразилась яркая зелень стоящего за окном дерева. Её узкое бледное лицо было усыпано веснушками. Русые волосы собраны в тугий пучок на затылке. В маленьком ушке Агнет поблескивала серебряная звездочка. Николас снова вспомнил, как они поцеловались у замковой стены на старой дороге. Начинало смеркаться, и городок под их ногами таял и пропадал в сиреневых сумерках. Агнет выдернула заколку, и ее длинные волосы рассыпались по плечам, и Николасу сделалось не по себе, ему показалось, что у него вот-вот остановится сердце. А Агнет лукаво взглянула на Николаса сквозь стекла очков, каменная кладка замковой стены за её спиной расплывалась в наступающем сумраке...

В классе была еще одна ученица, звали ей Табита Беккер. Это была крупная девица, ростом выше Николаса, наверное, на целую голову. У Табиты были красивые серые глаза, но взгляд словно у сонной рыбы. Свои длинные черные волосы Табита заплетала в косу, а косу укладывала вокруг головы, закалывая шпильками. Девочки из класса над ней смеялись, потому что таких причесок давно уже никто не носит. Кажется, Табита была не очень сообразительной, она говорила медленно, словно боясь сбиться с мысли, подолгу думала, прежде чем ответить и совсем не понимала шуток.

– Знаешь, Николас, – сказала Фрида Хартман, сжимая маленькими смуглыми ручками указку, – одного «здравствуйте» недостаточно. Изволь встать и попросить у меня разрешения присутствовать на уроке.

Подол ее платья кончался чуть ниже колен. У фрау Хартман были полные, словно налитые икры и тонкие щиколотки. Николас поерзал немного на стуле. Ягодицы еще саднили, и он не был уверен, что сможет высидеть весь урок.

– Я жду! – фрау Хартман обиженно поджала полные губы.

Казалось, белки её глаз светятся на смуглом лице.

Николас нашел в кармане спичку и стал ковырять в зубах.

– Или ты сию минуту извинишься и попросишь у меня разрешения присутствовать на уроке, или изволь выйти из класса! – поставила ультиматум учительница.

Этот мальчишка выводил Фриду Хартман из себя. Мулатка не могла успокоиться, когда видела эту наглую улыбочку, эти черные спутанные волосы, которые вечно падали ему на глаза. Николас был такой расхлябанный, развинченный и ленивый, что дальше некуда. Фрау Хартман начинало трясти, когда она видела, как Николас сидел за партой, развалившись и выставив ногу в проход.

– Ну и ладно, – проворчал Николас.

Он демонстративно зевнул, подмигнул Толстому Сэму, поднялся из-за парты и, забросив за спину рюкзак с учебниками, вышел из класса. Сперва Николас хотел со всей силы хлопнуть дверью, чтобы стекла зазвенели, но передумал. Во-первых, Николас так уже делал, а во-вторых, он был уверен, что фрау Хартман как раз этого от него и ждала. С рюкзаком за плечами он медленно шел по школьному коридору. Николас не знал, чем себя занять. Домой идти было рано, Кристен сразу привяжется, почему это он не в школе. И потом, Николас хотел проводить Агнет и поболтать с Толстым Сэмом.

Подойдя к лестнице, Николас в нерешительности остановился. Он думал, что хорошо было бы запустить в класс какую-нибудь змею. Николас живо представил, как змея медленно ползет по полу мимо грифельной доски, а фрау Хартман, теряя туфли, забирается с ногами на учительский стол и визжит от страха. Красота! Но взять змею было негде.

Николас поискал что-нибудь занятное в карманах, но кроме жвачки и зажигалки в карманах ничего не нашлось. Тогда он снял со спины рюкзак. В рюкзаке Николас нашел много чего интересно, но больше всего ему приглянулся зеленый воздушный шарик. Откуда он взялся, Николас решительно не мог понять. Он вернулся к двери класса, опустил на корточки и заглянул в замочную скважину. Фрау Хартман, стоя у доски увлеченно что-то рассказывала и постукивала указкой по карте мира.

Николас достал из пенала карандаш и осторожно пропихнул большую часть воздушного шарика в замочную скважину. Прижавшись лицом к двери, он принялся надувать шарик. Вскоре он услышал, как засмеялся Сэм, потом звонко на два голоса захихикали близняшки.

– Я разве сказала что-то смешное? – растерянно спросила Фрау Хартман.

К этому моменту все в классе уже заметили зеленый воздушный шарик, торчащий из замочной скважины. Шарик становился все больше и больше, формой он был похож на грушу. И только одна Фрида Хартман пока ничего не замечала. Она не могла взять в толк, почему эти несносные дети над ней смеются! Николас слышал, как ухает, словно филин Табита и заливается смехом Агнет Беле.

– А ну, тихо! Да что с вами сегодня случилось? – Николас слышал, как Фрау Хартман в отчаянии стучит указкой по доске.

Потом Николас услышал, как туфельки учительницы стучат по дощатому полу – тук-тук-тук – все ближе и ближе к двери. Николас выжидал. Самое главное тут было не упустить момент. Вот туфельки остановились возле самой двери. Николас представил, как фрау Хартман наклоняется и тянет к шарiku руки. Именно в эту секунду Николас собирался отпустить воздушный шар на волю, чтобы он вылетел из замочной скважины, как зеленая ракета. Он уже представил себе, как шар с громким бормотанием и шипением пронесется мимо Фриды Хартман, и примется метаться под потолком, отскакивая от окон и стен. Но все вышло иначе и даже лучше! В последнее мгновение Николас, наверное, дернул шарик на себя. И воздушный шарик тотчас лопнул. Нет, не лопнул, а с оглушительным хлопком взорвался! И тут же в классе захохотали, завизжали и застонали так, словно там была заперта стая павианов. Николас тут же прищелкнул глазом к замочной скважине. В скважину он увидел фрау Хартман. Мулатка сидела на полу возле двери и пыталась снять с лица зеленые ошметки воздушного шара.

Николас не стал задерживаться, чтобы насладиться овациями.

– Как жизнь, Ник? – спросил его Толстый Сэм.

– Все путем, старик, – ответил Николас.

Крепко пожав друг дружке руки, приятели стояли возле школьного крыльца.

– Смотри, Ник, доиграешься, – предупредил Сэм, – фрау Сиську ты сегодня до белого каления довел! Видел бы ты, как она плюхнулась на задницу, когда лопнул шарик! Сидит на

полу и чуть не плачет от злости. А мы буквально стонем от смеха... Кстати, Лиса про тебя спрашивала. Тоже, наверное, собиралась жаловаться твоей кухне.

– Напугал, пускай жалуются, – сказал Николас и тут же прикусил язык, потому что вспомнил, как вчера фрау Шеен отходила его массажной щеткой.

С крыльца спустились близняшки и Агнет Беле. Девочки пошептались, расцеловались друг с дружкой и разошлись в разные стороны. Толстый Сэм тоже отчалил, он знал, что Николас будет провожать Агнет до дома.

– Ну, что ты такое творишь? – спросила его со смехом Агнет, когда Николас догнал ее и отобрал сумку с учебниками. – Зачем весь этот цирк? Довел бедную фрау Хартман до слез.

– А что она стала ко мне цепляться?

– Конечно, ты такой смелый! Это тебе кухня только нотации читает, – сказала Агнет и почему-то смутилась, и стала рассматривать витрины на другой стороне улочки.

Николас обнял её за плечи.

– Пойдем к озеру?

– Это совсем не по пути, – возразила Агнет и строго взглянула на Николаса сквозь стекла очков.

От этого взгляда у Николаса сбилось дыхание и сладко заныло в груди.

– Ну, давай, погуляем немного.

– Пообещай, что не будешь меня лапать, как в прошлый раз?

– Честное слово, не буду, – не моргнув глазом, соврал Николас.

Агнет засмеялась.

Они миновали маленькую площадь возле ратуши, прошли немного вниз по Морской и, свернув в проулок, вышли на берег Баденского озера. На бледно-голубом небе сверкало солнце. От стоящих на Морской улице домов по каменистому берегу протянулись холодные прозрачные тени. Возле причала находилось здание склада, и этому зданию было, наверное, больше века. Сложенные из камней стены потемнели, оконные проемы были заложены красным кирпичом. Привалившись спиной к стене, на корточках сидел рыбак с седой бородой, в бушлате и вязаной шапочке. Между изломанных каменных плит желтел песок. Николас любовался худенькой стройной фигуркой Агнет. Ей очень шли белые гольфы и это простое темно-синее платье. Прикрыв глаза от лежащего на воде солнечного блеска, Агнет смотрела на баржу, которая едва заметно ползла по глади озера. Николас подошел, обнял Агнет за талию и положил подбородок ей на плечо.

– Я хочу отсюда уплыть, – сказал Николас тихо, – заберусь ночью на баржу, спрячусь под брезентом и засну. И когда я буду спать, баржа отойдет от берега...

– Куда уплыть? – спросила его Агнет, – зачем?

– Не знаю, – смутился Николас. – Куда-нибудь.

Он опустил руку вниз, задрал подол платья Агнет и провел рукой вверх по ляжке, пока не нащупал сквозь трусики маленькие упругие ягодички.

– Ты же обещал, что не будешь? – едва слышно спросила Агнет Беле.

– Слушай, ну чего мы ждем? Если на то пошло, мы с тобой совершеннолетние! Я с ума по тебе схожу!

Пальцы Николаса скользнула между бедер Агнет.

– Перестань, пожалуйста...

Рыбак, сидевший неподалеку на складном стуле, принялся кашлять. Потом он бросил окурочек на камни и поднялся на ноги и снял с рогатки спиннинг. Агнет вздохнула, вывернулась из рук Николаса иправила платье.

– Пойдем в субботу в парк?

Она взглянула Николасу в глаза, а потом закусила нижнюю губу и, отвернувшись, стала смотреть в другую сторону.

– Я хочу узнать, как это, заниматься сексом, – сказала Агнет тихо. – Все мои подружки рассказывают разное. Кому-то очень понравилось. А кому-то совсем не понравилось. А у меня еще ничего не было! И знаешь, мне обидно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Зельда закрыла за собой входную дверь и, не развязывая шнурки, стащила с ног старые кеды. Шлепая босыми ступнями по полу, она прошла на кухню, заглянула в холодильник, буркнула что-то себе под нос и направилась в гостиную. На пороге Зельда остановилась. На ковре горел косой прямоугольник солнечного света, в луче, падающем из окна гостиной, кружились пылинки. Николас сидел в мягком кресле с высокой спинкой, увлеченно листал «Хастлер» и тянул из банки колу. Было накурено, табачный дым стелился под потолком.

– Ты вроде обещал, что не будешь курить? – спросила Зельда.

– Ну, обещал, – согласился Николас, не поднимая глаз от журнала. – Чего привязалась? Зельда недобро прищурилась.

– А сигареты у тебя откуда?

Николас выбрался из кресла и хотел уже уйти из гостиной, но Зельда его остановила.

– Я знаю, ты у Кристен таскаешь сигареты, – сказала Зельда уверенно. – А ну отдай!

Николас молча протянул Зельде мятую пачку сигарет.

– Ты хорошо помнишь вчерашний вечер?

Николас почувствовал, что краснеет.

– Зельда, послушай...

– Вчера ты обещал, что не будешь больше курить. Не станешь прогуливать школу и грубить своей кухне. Ты вчера много чего наобещал. А свои обещания нужно держать.

Николас хмуро взглянул на Зельду. Он терпеть не мог эту неопрятную девицу, ее мясистые ляжки, торчащие из рваных джинсовых шорт, эти её вечно нечесанные волосы, щербатую ухмылку и зеленые наглые глаза.

– Я тебя отучу таскать сигареты у Крис, – пообещала Зельда. – Гляжу, тебе вчера мало влетело.

Николас сунул руки в карманы джинсов, повернулся к Зельде спиной и отправился к себе в комнату. Он уже поднялся до середины лестницы, когда Зельда сказала негромко,

– Что ж, раз так, я позвоню Эрики Шеен.

Зельда вышла в прихожую, сняла трубку с телефонного аппарата и стала набирать номер. Николас сбежал по лестнице вниз.

– Зельда, пожалуйста, не звони фрау Шеен, – попросил Николас, во рту у него почему-то пересохло.

Девица с деланным удивлением взглянула на Николаса и повернула диск телефона и набрала еще одну цифру номера. Сколько их осталось набрать, пока на том конце фрау Шеен не снимет трубку? Две цифры? Одну?

– Я виноват, – торопливо сказал Николас. – Я курил, я украл у Кристен сигареты. Я заслужил, чтобы меня наказали.

Зельды раздумывала, положить трубку или все же позвонить. Николас стоял рядом, затаив дыхание. Он видел, как Зельда наслаждалась его растерянностью и страхом.

– Если еще раз взбрыкнешь, тебе придется иметь дело с фрау Шеен, – сказала, наконец, Зельда.

– Я понял, Зельда, – кивнул Николас.

– Ну, хорошо...

Зельда опустила трубку на рычаг телефона.

Девица заглянула на кухню, сняла с крючка над плитой лопатку с удобной хватистой ручкой и вернулась в гостиную. Николас, понуриив голову, пошел следом. Мурлыкая себе под нос популярную песенку «Альфавиля», Зельда остановилась посреди комнаты в полосе солнечного света и звонко шлепнула себя лопаткой по ладошке.

– Черт, больно! – пожаловалась она Николасу и спросила. – Тебе особое приглашение нужно?

В этот момент Николасу захотелось оказаться в каком-то другом месте за тысячу миль отсюда.

– Послушай, Зельда, давай обойдемся без этого, – сказал Николас, чувствуя, что у него горит лицо. – Я тебя очень прошу! Я меня после вчерашней выволочки знаешь, как задница саднит.

– Бедный несчастный Николас, – усмехнулась Зельда. – А ну живо встал в угол! Я повторять не буду.

– Зельда, ну пожалуйста!

Девушка сверкнула на него зелеными глазами и снова звонко шлепнула бамбуковой лопаткой по ладони.

На ватных ногах Николас прошел в угол гостиной и расстегнул пуговицу на поясе. Старые потертые джинсы съехали по его ногам на пол. Николас оперся ладонями в оклеенную обоями стену и опустил голову вниз. Ему было невыносимо стыдно получить порку от Зельды.

– Ты бросишь курить с этого самого дня. Мы договорились? – спросила Зельда, и Николасу показалось, что девушка еле сдерживала смех.

Николас только заскрипел зубами от обиды и собственной беспомощности.

– Я не слышу!

– Обещаю, я больше не буду курить.

Наклонив голову на бок, Зельда разглядывала худые длинные ноги Николаса и его узкую задницу, на которой сидели в обтяжку веселенькие полосатые трусы. На ляжках и бедрах Николаса были видные бледные овалы, оставшиеся после вчерашней порки.

Зельда не стала тянуть время, она размахнулась и шлепнула Николаса кухонной лопаткой. Шлепок получился звонкий!

Стоя у Николаса за спиной, Зельда не торопясь шлепала его лопаткой из бамбука то по одной ягодице, то по другой. Николас мычал, сквозь плотно сжатые зубы, и колотил ладонями по стене. Он дал себе слово, что не закричит, как бы больно Зельда его не била.

– Как же давно я хотела тебя отлупить, – приговаривала Зельда. – Знаешь, такого дрянного мальчишку надо еще поискать! Сколько ты нервов Крис истрепал! Ничего, Николас, мы с фрау Шеен выьем из тебя всю дурь.

Бамбуковая лопатка была тяжелая и с каждым ударом обжигала ягодицы все сильнее. Терпеть не было уже никаких сил!

– Зельда, ну хватит уже, – взмолился Николас, – ну, пожалуйста! Я, правда, все понял. Прости меня!

Зельда заглянула Николасу в лицо и увидела, что его губы дрожат, а на глазах блестят слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.